

(ознакомительный фрагмент)

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени А. И. ГЕРЦЕНА

На правах рукописи

БАРДЫКОВА
Надежда Васильевна

**ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ
МАРКА ТВЕНА
1860—1885 годов**

(К проблеме становления реалистического метода)

10.01.05 — литература стран Западной Европы, Америки
и Австралии

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ЛЕНИНГРАД
1977

Работа выполнена на кафедре зарубежной литературы Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор

А. С. РОММ

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Я. Н. ЗАСУРСКИЙ,

кандидат филологических наук, доцент
Е. Н. ПЕТРОВА

Ведущее учреждение: Орехово-Зуевский педагогический институт, кафедра литературы

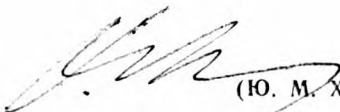
Защита состоится «21» апрель 1977 г. в 16 час.

на заседании специализированного совета К 113.05.05 по литературе Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена (191186, Ленинград, наб. р. Мойки, 48, корпус 20, ауд. 215).

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке института.

Автореферат разослан «18» марта 1977 г.

Ученый секретарь
специализированного совета:
кандидат фил. наук, доцент

(Ю. М. ХОХЛОВ)

Юмористические рассказы 1860—1885 годов составляют существенную часть неповторимо своеобразного и глубоко самобытного творческого наследия Марка Твена, создателя национальной литературы США, пролагателя путей критического реализма, открывшего американскому искусству новые перспективы развития. В рассказах, создававшихся в эпоху ожесточенной борьбы полярно противоположных литературных направлений, закладывались основы рождающегося критического реализма американской литературы. В этом сила и немеркнущая актуальность ранней юмористики Твена, конкретный анализ которой позволяет углубить и расширить существующее представление о характере историко-литературного движения в США второй половины XIX века, проследить пути становления реалистического метода, уяснить процесс формирования национальной американской литературы, охарактеризовать суть ее национальной самобытности.

Если творчество Твена-романиста стало объектом настойчивого внимания литературоведов, то его юмористические рассказы не подвергались монографическому изучению. «Твен-романист неизмеримо выше Твена-рассказчика», — такова формула, обобщающая позиции большинства американских критиков (Ф. Патти, Э. Вагенкнехт, И. Бенсон, Б. Де Вото, Э. Мастерс, Л. Бадд, Ч. Найдер). Вместе с тем в новейших исследованиях наметилась тенденция к преодолению подобной точки зрения (Ф. Роджерс, Г. Н. Смит, П. Ковичи, Д. Коке). Однако отсутствие широких исторических горизонтов, во многом предопределяемое самим характером научной методологии названных авторов, обусловило их неудачу в поисках главного жизненного нерва юмористики Твена.

В работах советских исследователей (М. Мендельсона, М. Бобровой, А. Ромм, Н. Самохвалова, А. Савуренок, А. Старцева) рассказы Твена в полном соответствии с истинной предстали как часть единого целостного организма — творческой системы писателя-реалиста. Но, несмотря на обширность имеющихся литературоведческих сведений, до сих пор остается недостаточно раскрытой специфика твеновского реализма. В реферируемой работе и предпринята попытка восполнить этот пробел.

Цель работы — на материале юмористического цикла

1860—1885 годов показать эволюцию мировоззрения и творческого метода Твена, рассмотреть проблему соотношения индивидуальности художника и американского литературного процесса, вопросы взаимодействия индивидуально-творческого и художественно-типологического начал, выявить черты национального своеобразия американского юмора. Вместе с тем работа не ограничивается выяснением этих частных явлений, а стремится открыть выход к вопросам более общего и принципиального порядка, создать возможность уяснения некоторых общих закономерностей литературного движения США второй половины XIX века, что и составило общую задачу диссертации.

В реферируемой работе разрабатывается вопрос о социально-этическом и эстетико-философском характере раннего юмора Твена, чему способствует изучение его рассказов в теснейших внутренних связях с революционно-демократическими традициями американской истории, как выражение национальных особенностей юмора Твена, органически связанных с демократическими элементами американской культуры.

В диссертации впервые детально изучается художественная структура юмористических рассказов Твена (их сюжетная организация, социальные и литературные функции юмористического характера), диалектика связей Твена с романтической традицией, отношения с которой строились по типу взаимоотталкивания и взаимоприращения.

С помощью сопоставительного анализа юмористики Твена с английской юмористической традицией XIX века (Ч. Диккенс, Джером К. Джером, Л. Кэрролл, О. Уайльд) автор пытается выявить характерные черты национальной природы американского юмора, среди них стихию «буйства», рождающуюся из антибуржуазной, антипуританской, антиснобистской, антидогматической, антидидактической и антисентиментальной направленности юмора Твена. В работе автор вступает в полемику с зарубежными интерпретаторами творчества Твена, необоснованно считающими его родоначальником «черного» юмора (Дж. Бир, Р. Хоук).

Кроме того, историко-литературный материал диссертации должен подвести к решению отдельных теоретических проблем, связанных с пониманием природы реализма и законов его внутреннего развития, с вопросами соотношения реалистического и романтического, с эстетической природой комического, функциями и национальной спецификой юмора.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут найти применение в практике преподавания общих и специальных курсов по истории зарубежной литературы в высшей школе.

Материалы исследования сообщались на Герценовских чтениях (1974, 1975, 1976 гг.). По теме диссертации автором опубликованы три статьи.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения, насчитывает 165 страниц машинописного текста и 334 номера библиографии.

В центре внимания **первой главы** «Проблема характера в юмористических рассказах Марка Твена» — эволюция «простака», сквозного образа юмористики Твена. Символ независимости американского художественного сознания, его освобождения от подражания европейским образцам, простака во многом воплотил твеновское понимание концепции национального характера, в которую современники Твена вкладывали различный социально-исторический смысл. Именно поэтому вопрос о простаке стал одной из отправных точек литературно-эстетической борьбы в США второй половины XIX века.

После Гражданской войны 1861—1865 гг. особую остроту приобрела задача самоопределения и эмансипации американского искусства. Штаты, осознавшие себя единой самостоятельной нацией, столкнулись с проблемой обретения своего самобытного художественного лица, формирования национальной литературы и отражения ею национального характера. Первые шаги в этом направлении были предприняты еще могучей плеядой американских романтиков — В. Ирвингом, Н. Готорном, Г. Мелвиллом, Ф. Купером, Э. По. Они стремились доказать Европе, что период литературного ученичества закончился и американский литератор, бывший некогда подмастерьем английского художника, поднялся на уровень своего мастера. И действительно, их образы в своей художественной значимости не уступали лучшим европейским эталонам; но американские романтики не сумели да и не могли дать социально-конкретной и исторически-мотивированной формулы национального характера. Их персонажи были скорее условными типами человеческой настроенности, своеобразными психологическими метафорами, выражениями определенного состояния ума, олицетворениями заложенной авторами идеи. Эстер Принн, например, представляла романтическое обобщение оскорбленного женского чувства, а маляжка Перл, плод преступной любви, воплощала красоту, рожденную во грехе. Даже наиболее «американизированные» герои Купера не создавали подлинного, жизненно-достоверного представления об особенностях индейского быта и нравов.

В десятилетие, последовавшее за войной, национальная литература возникала под знаком критического реализма: одно без другого появиться не могло, так как только с позиций реализма можно было освоить жизнь народа, исследо-

вать общество и американский характер во всей полноте социального бытия и обнаружить закономерности их развития. Г. Бичер-Стоу, Р. Хардинг Дэвис, Д. Де Форест, Г. Кинен, Л. Гейл — на Востоке, Ж. Миллер, Ф. Брет Гарт — в Калифорнии, А. У. Турже, Д. В. Кейбл, С. Ланьер — на Юге, Э. Эгглстоун и Э. Хоу — на Среднем Западе предпринимали попытки социального осмысления жизни Америки в ее внутренних контрастах и противоречиях. Таким образом, в данный период рождение национальной литературы могло произойти лишь на путях критического реализма, но эта истина открылась далеко не всем американским художникам. Она не встретила поддержки в кругу литературной аристократии Бостона, среди адептов «традиции благопристойности», для которых правда реализма оказывалась ложью, а национальный характер представлял в чрезвычайно одностороннем освещении — это американский джентльмен, ничем не отличающийся от своего европейского собрата.

В 1870—80-е годы поиски национального характера, ранее начатые в поэзии У. Уитменом, были продолжены в прозе У. Д. Хоуэллсом, Ф. Брет Гартом и Г. Джеймсом, которые в пределах общего для них реалистического метода шли своими путями. Наиболее же полное выражение динамика американской жизни с ее закономерностями и конфликтами получила в глубоко национальном характере твеновского простака, в народном мироощущении которого своеобразно преломились просветительские и фронтирские традиции.

Именно на фронтире, где, казалось, обрели реальную плоть демократические принципы Декларации Независимости, Конституции и Билля о правах, Твен нашел своего героя, являвшего собой трудовую, народную, а не официальную Америку. В образах его ранних простаков воплотились глубокий и естественный демократизм «пионерской» Америки, динамизм ее энергии, дух независимости и свободолюбия, бунтарское неуважение к авторитетам и ложным святыням. Стихийно-демократическое сознание обусловило склад мысли и «температуру» их характеров, а ритм человеческой судьбы на фронтире стал ритмом многих ранних рассказов Твена.

Простаки, выражавшие народный взгляд на вещи, взгляд истинный и здоровый, выполняли и определенную литературную задачу. Они помогали Твену заново открыть мир будничной прозы, по-новому увидеть его неисчерпаемое богатство, восстановив при этом естественную природу вещей, обнажив подлинное лицо реальной Америки. Это ответственное задание реалиста совпадало с основной задачей Твена, создателя национальной литературы США. Снимая с американской действительности налет искусственности и условности, Твен тем самым показывал ее в национально-достоверном виде, во всем своеобразии ее национального бытия.

Саймон Уилер из рассказа «Знаменитая скачущая лягушка из Калавераса» (1865) — первая значительная удача Твена в обрисовке простака. Мир, воссозданный здесь Твеном, был миром человека, свободного от фальшивых норм стандартного мышления. Для Уилера (как и для Твена) муха и лягушка оказывались не менее значимыми, чем пастор и президент. Более того, предпочтение отдавалось нехитрым созданиям природы, одному из которых даровано имя бывшего президента страны Эндрю Джексона, а другому — имя известного оратора и политического деятеля Дэниеля Уэбстера. Наличие подобной иерархии ценностей, подказанной «неразвращенным» и «неиспорченным» человеческим сердцем, позволяло снять вторичные наслоения с вещей, выявить их первоначальную суть, вернуть им утраченный облик. Данная ревизия сложившихся представлений и их отрицание объективно вели к провозглашению антиофициальной, народной точки зрения на реальность, утверждавшейся в качестве нового для американской литературы эстетического принципа.

В лице фронтирсмена Саймона Уилера и «Марка Твена» — рассказчика, американца в его «Американском варпанте, Твен впервые столкнул «лоб в лоб» две Америки — народную и буржуазную. Антитеза Запада и Востока не была просто географическим противопоставлением. Она включала в себя неизмеримо большее: принцип деления учитывал расстановку социальных сил, сложившихся к середине 60-х годов. Запад стал обозначением демократических начал, а Восток — знаком «бостонской», филистерской Америки. Живой, чрезвычайно динамичный и пронизанный здоровой силой, хотя и во многом наивный мир Уилера открыто противостоял искусственному, безжизненному, обывательскому миру, представленному «Марком Твеном». Позиция художника и проявилась в конфликте простого человека с буржуазной Америкой.

Наряду со столкновением народного, демократического с буржуазным, антидемократическим, антитеза Запада и Востока также подразумевала коллизия естественного и искусственного, неофициального и официального. Таким образом, рассказ стал своеобразной заявкой на все последующее творчество Твена-реалиста, своего рода программным произведением, выжившим со всей очевидностью полемическое, «булварское» начало юмора Твена, его враждебное отношение к доминирующей буржуазной культуре.

На этом этапе творческой эволюции писателя простак уилеровского толка воплощал для Твена настоящего американца-демократа, «наивность» которого выступала в виде некоей нравственной силы. Твен, уверенный в том, что «демократия» и «американизм» — синонимические формулы, считал простака нормой американской действительности, а не отклонением от нее, какими являлись, например, для Ч. Диккенса

образы его чудиков. Писатель был убежден, что питательной почвой для этой нормы служил сам демократический строй США, подкрепляемый практикой фронта. Эта вера была поколеблена лишь в 70-е годы, когда многое из того, что не усматривалось ранее, обрело драматические очертания.

«Естественное» сознание Уилера значительно отличало его от простака юго-западной газетной юмористики 1830—50-х годов, создававшегося на иных путях. Образ твеновского простака возник на скрещении двух литературных традиций: фольклорной и просветительской. Простак же А. Лонгстрита, Дж. Гарриса, Дж. Хупера, Т. Торпа, Дж. Робба, лишенный глубинного социально-философского содержания, вложенного в образ Уилера, стоял в стороне от темы «наивного» сознания, ведущей свое исчисление от Ричарда Саундерса у Б. Франклина, и был лишь носителем простейших эмоций.

Простак-письмоводитель («Обстоятельства моей недавней отставки», 1868), как и Уилер, выражал устремления народной Америки; но он стал не только концентратом демократического мироощущения. В нем по-особому, по-американски, преломились принципы просветительской мысли с тенденциями XIX столетия, возводившими в культ практическую философию разумности и полезности. Идея «естественного» сознания, стоявшая за документами войны за Независимость, вступила в диалектическую взаимосвязь с прагматизмом мышления. В письмоводителе слились воедино самобытность Линколна и практицизм дядюшки Сэма. Этот специфический симбиоз национальных качеств способствовал превращению простака из обобщенной фигуры американца, из схемы национального характера в очень реальный и конкретный образ, вышедший из лона XIX века. Простак Твена — это принцип «американизма», ставший живым человеком.

Необузданный энтузиазм, энергия, не укрощенная приличиями, коммерческая жилка, наивность со специфически-американским оттенком невежества и грубости создавали национальное ядро характера твеновского простака. Это «американское начало», которое вело свое происхождение от фольклора, отличало их от философски-отвлеченных, метафизически-обобщенных, лишенных черт национальной конкретности просветительских простаков.

Простак Твена, говоривший «открытым текстом», откровенно и безыскусно, преодолевал фальшивые условности и протестовал против любого насилия над живой жизнью. Объективно он демонстрировал основу «безумного» мира, в котором естественное поведение человека рассматривалось как отступление от нормы.

С помощью маски «вдохновенного идиота» («Как я редактировал сельскохозяйственную газету», 1870) Твен выявлял безумие буржуазной Америки, рождавшей и поощрявшей

всяких процелыг-экспериментаторов. С ума сошел не простака, организовавший в газете фабрику лжи; это лишилась разумных, естественных, гармонических основ и критериев сама эпоха, в которой заурядная пошлость командовала всем ходом событий.

В отличие от этого редактора, собственными силами «творившего» ситуацию, теннесси́йский газетчик («Журналистика в Теннесси», 1869) вводился в готовый «контекст». Редакционная жизнь — это вулкан в действии, и очевидно, что наиболее эффективно ее буйные нравы сможет выявить человек, психологически контрастный пиратам-журналистам — безынициативный, сонный и пугливый, победа ситуации над которым неизбежна. Как видим, различные психологические характеристики простаков обусловлены разным взаимодействием их личных свойств и особенностей той среды, в которую они попадают.

В рассказе «Как меня выбирали в губернаторы» (1870) «американский эксперимент» уже проводился не простаком (как в случае с автором «огороднических виршей»), а совершался над ним. Образ «Марка Твена» — несостоявшегося губернатора отчетливо демонстрирует несоответствие, неадекватность маски и ее создателя. Писатель не может полностью отождествляться с простаком, ибо он неизмеримо шире своего персонажа. Владеющий объективной истиной, видящий и осознающий гораздо больше простака, он уже воочию убедился в погрешности лучших демократических принципов и понял ограниченность героя, подверженного национальным заблуждениям. В рассказе Твен комически развенчал веру простака в жизнечность исконных принципов парламентаризма.

Простака с точки зрения буржуазного сознания не имеющий никакой ценности, иллюстрировал невозможность гармонического единства простого человека с буржуазным миром. Как комическая антитеза стандартизованному человеку он выявлял опасность административной регламентации жизни («Подлинная история великого говяжьего контракта», 1870; «Подлинная история дела Джорджа Фишера», 1870) и «анатомировал» процесс буржуазного машинения («Академия художеств», 1867; «Венера Капитолийская», 1869; «Приятное и увлекательное путешествие», 1874). Так, например, в рассказе «Покойный Бенджамин Франклин» (1870) Твен с помощью простака делает открытие, потрясающее в своем трагикомизме: Франклин, великий учитель и просветитель нации, «разошелся» на мелкие афоризмы, расхожие формулы, трюизмы; и это путь «американской мечты», «американской традиции». Так постепенно рождалось «обеспокоенное» сознание американца, а его оптимизм все настойчивее корректировался драматическими нотами.

В поздних сатирических рассказах Твена простака, соеди-

свидетельствовал в пользу антибуржуазной направленности юмора Твена. Его народно-демократическая первооснова определила и логику сюжета; сама фабула рассказа оказалась связанной со всей системой, определяющей позицию Твена-реалиста. Новаторство Твена проявилось в построении особого вида сюжета, свободного от догматизировавшихся литературных представлений. В твеновских рассказах канонические романтические перипетии заменялись реалистическим описанием примелькавшихся повседневных объектов, а их динамизм достигался не искусственным увеличением сюжетных хитросплетений, а умелой разработкой бытового материала, уже в самом себе содержащего все компоненты увлекательного повествования. На смену «исключительному» и «героическому» в его романтическом образе в литературу ворвалось то, что ревнителям «традиции благопристойности» казалось лишь грубой эмпирической правдой факта. В руках Твена оно стало новым источником занимательного, достойным отражения в искусстве.

Проведенное в диссертации исследование показало, что органическая связь демократической, реалистической и социально-критической тенденций юмора Твена, выступившего в литературе в качестве поверенного народа, во многом способствовала внутреннему росту и самобытности национальной литературы, развитию американского критического реализма.

СПИСОК

опубликованных работ по теме диссертации:

1. Рассказ Марка Твена «Журналистика в Теннесси». (К вопросу о своеобразии раннего творчества Твена). XXVII Герценовские чтения. Литературоведение. Научные доклады. Л., 1975.
2. Проблема национального характера в рассказах Марка Твена. В сб.: Писатель и литературный процесс. Научные труды, т. 60 (153), Курск, 1975.
3. Рассказ Марка Твена «Знаменитая скачущая лягушка из Калавераса». (Структура образов рассказчиков). XXVIII Герценовские чтения. Литературоведение. Научные доклады. Л., 1976.